

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
NEW ADULT. МАГИЧЕСКИЕ МИРЫ

Макс Далин
УБИТЬ НЕКРОМАНТА

Дана Арнаутова
ГОД НЕКРОМАНТА.
ВОРОН И ВЕТВЬ

Екатерина Звонцова
СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

МАКС ДАЛИН

УБЬИТЬ
НЕКРОМАНТА

МОСКВА
2023

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Д15

Иллюстрация на переплете *Selann*

Далин, Макс.

Д15 Убить некроманта / Макс Далин. — Москва :
Эксмо, 2023. — 448 с.

ISBN 978-5-04-172738-3

Он — некромант, взошедший на престол. Тиран, ненавидимый собственным народом. Тёмный владыка, заключивший сделку с тварями из преисподней. Коварный интриган и захватчик чужих земель.

Он убил отца и брата, чтобы получить трон. Он командует армией мертвецов. Ему служат призраки и вампиры, которых он поит кровью своих врагов. Он извращенец и содомит, в чьей душе нет места ни жалости, ни любви.

Так о нём говорят. Но сколько в этом правды? Что движет тёмным владыкой на самом деле?

Он — Дольф, король Междугорья. И теперь он расскажет историю своей жизни сам.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

© М. Далин, текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-172738-3

– В очередь, сукины дети! В очередь!..

М. Булгаков, «Собачье сердце»

Способности к некромантии, говорят, похожи на музыкальный слух. Пожалуй. Некоторые неистово хотят быть певцами и музыкантами, зовут учителей, платят им по золотому в час, тратят уйму времени и море сил, чтобы выжать из лютни или флейты хоть сколько-нибудь гармоничный звук, — и без толку. Терзание чужих ушей. А их лакей напеваает, перетирая тарелки, и прохожие за окном останавливаются послушать. Дар свыше.

Ничего не поделаешь.

С некромантией примерно так же. Некоторые вылезают из кожи, запираются в башнях, исходят на нет, заучивают наизусть целые тома, предлагают душу, а в результате получают припахивающий серой дымок из жиденькой пентаграммы. Чихнул — и нет его. А меня этому никто не учил, просто Дар, и всё. Не такой изящный, как музыкальная одарённость, но это уж чем богаты, тем и рады.

Я — интуитивный некромант, сколько себя помню. Дивное качество для отпрыска королевской фамилии, как подумаешь...

МАКС ДАЛИН

Родители что-то такое с самого начала подозревали, я полагаю. Ребёнком я был... и в младенчестве не очаровывал личиком, мягко говоря.

Вот, к примеру. По мнению святых отцов, чёрные родинки – клеймо Тех Самых Сил. Очень может быть. Такая родинка у меня есть, под носом. Этакая роковая мушка. У других людей такие родинки выглядят очень миленько. Придают лицу некий особый шарм. И, как правило, не вызывают желания протыкать их раскалённой иглой на предмет проверки на магическую злокачественность. Но не в моём случае.

Не те у меня черты лица. Мою проверяли. Пришли к неутешительным выводам.

Не ошиблись. Спасибо, что не удушили в колыбели. Добрые у меня были родители и блюдущие традиции. Как можно пролить кровь королевского чада, даже если она проклятая? Абсолютно невозможно, они и не пролили. Не пожалели, правда, а не посмели, но мне и того хватило.

Моё скромное везение.

Правда, не могу похвастаться жаркой родительской любовью. Но сердцу не прикажешь.

Они ещё долго выясняли, откуда оно вылезло. Ведь наследственное проклятие! Очень неприятно сознавать, что кто-то из предков того... но из летописей-то не выкинешь. Нашли предка в седьмом колене. Пращур остался в истории под именем Чёрный Хорн, правил всего-то полтора года – чахотка сожгла. Видимо, развернуться не успел. Но, скорее, не

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

посмел. Уединение любил. Любой бы любил, с таким выдающимся лицом. От одного взгляда на портрет брала оторопь: в правом глазу — три зрачка. Не считая всяких прочих мелочей.

Но, в общем, проклятый предок ничем особенно ужасным себя не проявил. Скорее, наоборот: пытался изобразить доброго государя. Видимо, у него это вышло. Так что счастливого ему пребывания в эдемских садах: будь у него характер потвёрже — никакого везение бы меня не спасло. А так — решили, что, быть может, и я буду изображать что-то благонравное и благолепное и меня можно будет терпеть.

Ошиблись. Бывает.

Рано расцвёл. Мне ещё семи лет не исполнилось, когда я спровадил к праотцам своего гувернёра. Когда он десятый раз врезал мне линейкой по пальцам. Просто одним сильным желанием сделать так, чтобы его не было. Первый случай всплеска Дара, бессознательный ещё... но желание, похоже, оказалось очень уж сильным.

Нестерпимым.

Но когда я смотрел, как он корчится, как у него глаза вылезают из орбит и всё такое — я не наслаждался, нет, не верьте слухам. Я принял к сведению. И отец принял к сведению. Во всяком случае, сечь

МАКС ДАЛИН

меня поостерёгся, а ведь хотел до смерти, по глазам было видно.

В смысле — хотел до смерти отлупить до смерти. Но счёл, что себе дороже. Ха, мне это понравилось. Интересно, много бы нашлось таких, кому бы не понравилось?

Через год всё моё семейство меня... скажем так, опасалось. И дельно. Я же экспериментировать начал. Вот только никогда не проверял Дар на кошках, ничего против кошек не имею. Мухи, пауки — да, это было, я их не люблю. Потом — маменькина отвратительная моська: камеристкам пальцы в кровь кусала, а маменька изволила смеяться. Как итоговый опыт — папенькин камер-лакей. Я всегда совмещал приятное с полезным, а очистить мир от этой слащавой твари, стучащей на всё живое, было и приятно, и полезно сразу.

Правда, потом за меня взялись всерьёз, так что опыты пришлось бросить... на людях, по крайней мере. А на будущее я решил пользоваться Даром только по важным поводам. Тогда ещё мне казалось, что он быстро иссякает, долго восстанавливается, а хотелось всегда быть в боевой готовности. Но тема вообще очень заинтересовала — стал читать запоем. Папенькин библиотекарь не хотел меня впускать в ту залу, где хранились книги о некромантии и о чёрной магии... я его канарейку прикончил и пообещал, что с ним то же самое сделаю. Впустил, старый пень, хоть и наябедничал отцу.

Я иллюзий не питаю. Я рос маленьким безобразным гадёньшем. Злым, а пуще злопамятным, подлым.

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

Но — умным. Я читал и наблюдал, читал и наблюдал. И всё, что прочитывал или видел, принимал к сведению.

Я много видел. Мой папенька-король не знал о своём дворе того, что уже знал я. Кто подличает за сладенький кусок, а за глаза поливает грязью, кто ворует, кто продаётся — я рано начал понимать. Папенька не понимал; ему такие углублённости ни к чему. Папенька был обожаемый монарх. Гуго Милосердный — так его в народе окрестили.

Гуго Старый Идиот, я бы сказал. Он жил по заповедям, мой батюшка. Истоиво веровал, что врагов надобно прощать, родовой рыцарский кодекс блюсти, народ должен благоденствовать, а король — жить в развлечениях и роскоши. Ну да.

Его обворовывали все кому не лень, а ему и в голову не приходило проверять своих верных вассалов: вассалы же им восхищались. Он свалил всю свою работу на казначея и премьера, сам охотился и отплясывал на балах. Междугорье было в долгу как в шелку; на границах вечно происходили стычки. Соседи обещали военную помощь и надували, зато присылали подарки вроде пары белых единорогов, тварей милых, но не стоящих и эскадрона драгун. Единороги, говорят, счастье приносят — ну, может быть, но не эти. В очередной локальной войнушке с государем Перелесья батюшка потерял провинцию, прослезился и сказал: «На всё божья воля».

Плебс жил впроголодь; пуд муки стоил ползолото. Зато если батюшка проезжал по столице, он всег-

МАКС ДАЛИН

да оделял нищих. Щедро. Грошей по пять, по крайней мере. И голодные мужики рыдали от умиления.

Святой Орден за батюшку молился. Ещё бы. Патриархи ходили в шелку и парче, драли с прихожан сколько хотели и давали королю советы. А он им жаловал земли. Благодать божья... некромантов сапогами в угол запинали, можно сказать, истребили совсем. Ибо от лукавого. Не к месту в благочестивом государстве. На меня святые отцы надели серебряный ошейник с тремя печатями во имя Вернейшего Слова Господня и запаяли, чтобы я не мог убить своим Даром человека. Ну-ну. Сожгли Ульриха-Травника под овации толпы. А он, кроме безопасных приёмов общения с демонами, открыл снадобье от чахотки. Но кому это интересно?

Косились на меня: последняя ты проклятая тварь в Междугорье, только потому и жив, что принц... И на мордах была написана надежда, что я особенно не заживусь. Нечего пятнать государев герб.

А я взял и в детстве не подох. Горячку подцепил – все уже готовились порадоваться, приличный ребёнок бы непременно помер, а я как-то снова выкрутился. Ну, плюнули на меня пока. Но я, конечно, был даже более опальным, чем бывают опальные принцы.

Вообще непонятно, за что небеса мной наказали идеальную королевскую чету. Видимо, за грехи предков.

Батюшка так любил матушку... Понятно за что: она подходила ему редкостно. Такая же, как и он сам,

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

восторженная дама с рыцарской романтикой в головке. Этикет, танцы, кодекс. Всё как по канону полагается. Выезжают, бывало, на охоту или в загородный замок — загляденье, а не пара. Он — такой большой, статный, бородатый, она — такая беленькая, розовенькая, нежная. В сияющих коронах, в шелках, в бриллиантах. Бросают милостыню. Лошади лоснятся, штандарты лоснятся, морды у свиты лоснятся... Красотища! Идеальная семья. Святые отцы во время проповедей их прихожанам в пример ставили, когда говорили о нерушимости брачных уз.

Моего старшего брата, чудесного Людвига, батюшка обожал... всей нежной душой. И матушка любила. Братец всегда был на людях, а я — всегда по углам. Он — с мечом, а я — с заплесневелой книжкой. У него золотые кудри, львиная стать и голубые глаза. У меня бледная рожа, крючковатый нос и одно плечо выше другого. Он — истинный рыцарь, а у меня... Дар...

Он был, что называется, отважный, чудесный Людвиг. И, что называется, с сильным характером. Чуть что не по нему — лупил кулаками по столу и по тем, кто не увернулся, орал так, что витражи трескались. Настоящий мужской характер, все умилялись и восхищались.

Я-то ни то и ни сё. Я молчал. Ясно: подлая тварь, себе на уме.

Ему папенька дарил оружие, лошадей и всякую другую всячину. На меня смотрел очень выразительно: сразу ясно, что дико хочет высечь, но боится, что

МАКС ДАЛИН

мой ошейник не сработает. Сами посудите, мог ли я хоть намекнуть ему, что думаю о его дворе.

Впрочем, я ж был не дурак. Я даже не пытался.

Так и жили. Старые, как сейчас говорят, добрые времена...

Демо́на я впервые вызвал в ночь, когда мне исполнилось тринадцать. Хорошая была ночь, все знаки сошлись: нумерология, парад планет... Убивать я не мог из-за ошейника этого дурацкого — это да, тогда ещё не мог, силенок не хватало сломать защиту Святого Слова... но вот пообщаться с Теми Самыми Силами мог, оказывается.

От них меня не прикрикли. Никому в голову не пришло, что у ребёночка храбрости хватит. А хватило: я как раз отличный трактат об этом прочёл и рвался попробовать. Может, будь я постарше и поумнее, и не посмел бы — но уж в тринадцать-то мне море было по колено. Я ни с кем об этом не распространялся, но считал себя великим человеком. Великим некромантом — и в скобках великим королём. Никак не меньше.

Все, помню, спали. Камергер мой после заката в мои покои отродясь не ходил — брезговал, а может, и боялся. Дежурный лакей крепко поддал со своим приятелем, дрыхли оба. Так что я наслаждался полным одиночеством. Хорошо так, луна светит, тихо, никто не мешает. Хотя, вообще говоря, мне нечасто

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

мешали, чем бы я ни занимался. Мои покои к числу лучших во дворце не относились. Этаким уединённый закуток в одном из флигелей. Окнами милое жилище выходит на конюшни, вечно там сыро и темно, даже в солнечную погоду, а под ногами гуляют сквозняки и мыши. Топить вечно забывали, свечей давали ровно столько, чтоб в полной темноте не сидел — я огарки собирал или крал, если получалось. Прият, видите ли, отшельника — зачем проклятому свет? Обойдётся... Ну и, опять же, может, простужусь и подохну наконец. Мало ли, повезёт.

Но, если начистоту, меня такое положение устраивало. Правда, я мёрз с сентября по май и не мог по полчаса доораться до слуг, зато никто не лез в мои дела — и слава Богу.

Я пентаграмму ещё только разметил, — сердце аж в горло выскакивало, как волновался, — а Дар из меня прямо потёк. Рисую, помню, угольком на паркете, а линии под моими пальцами вспыхивают синим. Только дорисовал — как оно пошло само собой: память у меня на Слова отличная и реакция отменная, я гада выпустил ровно настолько, чтоб поговорить можно было, а окончательный выход в наш мир загородил.

Те Самые, я слышал, неопытными некромантами иногда закусывали. Не мой случай. Я всегда рассчитывал, даже в детстве. И всегда перестраховывался.

Даже двойную линию защиты сделал. И работало.

Красивый вышел гад... красивый. Сейчас, как вспоминаю своего первого, такая тихая печаль находит...

МАКС ДАЛИН

вроде грусти по старому другу. Если часто видишь существ из Сумерек – привыкаешь, уже не то, а вот в первый раз...

Я знаю, большинство людей, когда Тех Самых видят, в обморок грохаются или непроизвольно писаются, но это просто потому, что люди до судорог боятся стихии. Неподвластной силы. Те Самые – это и есть стихия в чистом виде. По-моему, тут не бояться, тут любоваться надо. Такая у него была броня дымящаяся, багровая, мерцающая... рога – как два золотых клинка, из глаз – острое сияние, кусочки огня стекают по железной маске, как слёзы, на пол падают, гаснут... Красиво.

Люблю стихию. Свободу, силу – грозу, метель, ураган... Тех Самых на заре туманной юности тоже любил истово... пока кое-что не понял. Но это уже гораздо позже.

Гад, похоже, сообразил, что грохотать в моих покоех нельзя. К чему союзу свидетели? Он и не грохотал. Он прошелестел – как вот, бывает, январской ночью ледяная крошка шелестит по насту от ветра. Холодный звук, опасный. Тёмный.

– Изъяви свою волю, юный владыка, – свистящий такой шелест.

Я руки на груди скрестил, инстинктивно. Потом узнал – идеальная поза.

– Мне нужна власть, – говорю. – Земная власть. Я хочу стать величайшим из королей. По-настоящему, а не марионеткой на троне, как отец.

– Абсолют меняется на душу, – отвечает.

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

— Не подходит, — говорю. — Дорого. Пусть будет не абсолютом. Подешевле что-нибудь.

— Власть без любви народа, — шелестит. — Власть без награды. Дурная слава. Тяжёлая память. Устроит?

Я почувствовал, как у меня щёки вспыхнули. Идеально. На что мне сдалась любовь этого стада? Пусть любят таких, как батюшка, а я буду дело делать. Награда? Смешно, действительно. Дурная слава? А как они мне сделают добрую? В брата меня превратят?

— Великолепно, — говорю. — То что надо. Сколько с меня?

— Плату Та Самая Сторона сама возьмёт. Для тебя, юный владыка, даром.

— Проклятие? — уточняю.

— Нет, не официальное. Тебя и так проклянут тысячу раз. Но мы же договорились, что душа останется при тебе. Хотя без души тебе было бы спокойнее и приятнее. Откровенно предупреждаю.

— Не подходит, — повторяю. — Я уже решил.

— Да будет так, — шипит. — Выжжено на Скрижалях Судеб.

Вижу, ему уже скучно: всё решено, а взяли с меня мало. Ну и не стал его зря на границе миров держать. Разрезал себе ладонь, дал ему крови выпить — угостил за приход на зов. Потом отпустил.

Даже как-то слегка разочаровался. И гром не грянул, и папа не умер вместе с братцем. И не чувствую, чтобы поумнел или стал сильнее. Огорчительно.

Но, как я тогда размышлял, если с другой стороны посмотреть — я же не отдал им душу. Вот если от-

МАКС ДАЛИН

дал бы, они бы мигом подсустились. А так — жди, пока сработает.

Я же пока не знал, как они берут сами. И сколько. Ребёнком ещё был, в сущности... и подсказать мне было некому.

Но душа осталась при мне, не верьте слухам. И самое смешное: я ни разу не пожалел. Я умею боль терпеть, если без неё никак. А некроманту профессионально без боли не прожить.

Первое, что я заметил, — это как моё отражение в зеркале день ото дня меняется.

Правы святые наставники: зеркало есть орудие Тех Самых. Да ещё какое!

У подростков кожа часто портится. Воспалется и всё такое. Но с моими прыщами ничто бы не сравнилось. Вышесреднее явление. Шедевр. Каждый, по моим теперешним воспоминаниям, ростом с горошину, не меньше. И самого яркого цвета, который только нашёлся у Господа в палитре. На моей бедной физиономии клочка чистой кожи в квадратный дюйм не нашлось бы. Разве что там, где синяки под глазами.

В общем, ощущалось так: как на себя гляну, думаю не о короне, а куда бы пойти удавиться, чтоб никто потом труп не нашёл. Родная маменька на меня смотрела, как на слизняка. Не говоря уж о девушках. А я был вполне парень, как ни странно. Интересные вещи иногда снились.

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

Мой драгоценный братец девиц валял пачками. От судомоек и швеек до благородных включительно. Без долгих разговоров... как и полагается воплощению мужской доблести. Папенька, когда узнавал об очередном приключении, только ласково улыбался от скромной гордости. Вот мы какие, женщин к нам так и тянет. У шестнадцатилетнего принца должна быть толпа любовниц.

А второй принц, которому шёл четырнадцатый, шпионил безбожно. И чем больше видел, тем сильнее тошнило. Цепляло, но тошнило.

Я тогда ещё не понимал почему.

Вернее — догадывался. Со мной-то все эти фрейлинки вели себя официально до невозможности и просто леденели, как декабрьская луна. Смотрит такая на меня, болезного, с омерзением. Губки подожмёт, сощурился. «Ваше высочество, умоляю, простите меня, я тороплюсь». Я то радовался, что на мне ошейник, то жалел об этом — так убить хотелось.

Не просто убить, а так, чтобы почувствовала. Чтобы дошла моя злоба у неё до сердца, до костей, до печёнок... и до некоторых других внутренних частей.

Сказано: учитесь властвовать собой. Вот уж я учился...

Нет, поймите меня правильно. С точки зрения... ну, с обычной точки зрения, как принц, я мог бы и приказывать такой. Чтобы унизить её, просто до пола опустить, до дворцовых подземелий. Подчинились бы. Стал бы настаивать — подчинились бы даже такому принцу: и на мне ответ короны. Только я не

МАКС ДАЛИН

приказывал, даже не пытался. Гордость не позволяла, гордость. И стыд.

О, как за отрочество своё неприкаянное и окаянное я презирал эту возвышенную любовь! Да вот, да! Я всё это рассказываю не для того, чтобы кому-нибудь понравиться. Да, сидел в клетушке на вершине сторожевой башни, рассматривал гравюры в старинном трактате «О плотских утехах» и Бог знает что ещё делал. Тошнило, но тянуло. И ненавидел все эти серенады-свидания-страдания-сцены-локоны так, что руки дрожали.

Они же меня ненавидели за прыщи на морде и за перекошенную фигуру. А я их — за выражения лиц и за позы. Кто из нас имел больше прав на ненависть?

Меня — за внешнее. Я их — за внутреннее.

Тяжело оказалось смириться. Я только догадывался ещё, что это Те Самые с меня плату берут. Авансом. И к тому же это оказалось только начало. Цветочки, так сказать.

Первый урожай ягодок появился, когда я влюбился.

В пажа. Ага. В маменькиного. Без памяти.

Некстати решил понаблюдать, как его будут пороть за какую-то там пустяковину. Я всегда подглядывал в любые щели, за всеми подряд шпионил, а тут зрелище показалось интересным. Мне такие вещи казались интересными почти всегда, развлечение высшего сорта. Во-первых, кому-то плохо. Во-вторых, плохо не мне. А в-третьих, этот кто-то — мой потенциальный враг.

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

А вот в тот раз не прошло. Совершенно неожиданное впечатление. Простите, уважаемые, но воспроизвести то, что я тогда думал, — увольте. Не под силу. И непечатно. Особенно то, что касалось до маменькиной свиты.

Что это было — первый в жизни приступ сочувствия или больше что-то другое, — сейчас даже не скажу. Но уж не нормальное моё любопытство, плюс злорадство, плюс капля похоти. Может, потому что он гордый был не по дворцовому этикету, в ногах валяться не стал... Может, потому что молчал... сейчас уже не разобраться.

Его звали Нэд. От внешности остались зелёные глаза, улыбка — щербинка между передними зубами, волосы слегка рыжеватые... Первая любовь. Как меня это тогда ранило... до крови.

Там плотского было очень мало... разве что меня всегда смущали красивые люди. С детства. Но не в красоте дело. Влюбился в душу. Наверное, в гордость не по титулу... сейчас уж не разберёшь. В общем, потянуло.

С ним всё так просто вышло — диву дашься. Он-то был не фрейлина, ему я приказал остаться. Легко. И как мы с ним болтали обо всём на свете, кто бы знал! Он разбирался в таких материях, которые я знал только краешком, по книгам и шпионя: для него это была рутина, будни и то, в чём непременно надо разбираться хорошо. Надо думать. Пажи существуют при дворе, а при дворе всегда бардак и никто не стесняется трепаться. Но дело даже не в этом, ниче-

МАКС ДАЛИН

го такого, в чём нас потом дружно обвинили, между нами не было, разве что лихо обсуждали всякую всячину. Главное — он же меня слушать стал, ни малейшей неприязни не выразил, ни капли отвращения. Я растаял. Я ему рассказал почти обо всём, искренне. Он был старше меня на пару лет, с ходу всё понял, так среагировал...

Я просто не был ему отвратителен. Это меня поразило.

Я в первый раз в жизни плакал в чём-то присутствии. Поверил ему, в общем, даже больше — доверился. А он сказал: «Не берите близко к сердцу, ваше высочество, вы ещё всем покажете». Душу мне согрел. А я впервые в жизни по-настоящему был благодарен кому-то. Ещё немного — и у меня появился бы друг, а это бы столько всего изменило...

Нэд, Нэд... не повезло нам.

Через неделю нас поймали вдвоём. Смешно сказать, за каким занятием — ведь совершенно невинные игрушки. Даже по самым строгим меркам ничего особенного не было, так, грелись чуть-чуть. Руки он мне целовал. В обнимку сидели. А что началось, Боже, что началось!

Как папенька на меня орал! Какими словами называл! Как братец присоединился! И святой отец! И премьер! Они мне в тонких частностях объяснили, в чём мы виновны и как это называется. Они про меня больше меня самого знали, и жутко их бесило, как матушку неделю назад, что я в ногах не валяюсь, не каюсь и пощады не прошу. Грешник должен рыдать и каяться, унизиться и прогнуться, тогда от него

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

все отстанут и будет ему благо. А меня заклинило. Кровь.

Вот это они и сказали потом. Я, как они сказали, закоснел в грехе, несмотря на юный возраст. Проклятая кровь. Надо выжигать калёным железом. Пока не поздно.

Выжгли.

Заперли меня в каморку для провинившихся слуг, только в отличие от тех самых слуг к стене приковали серебряной цепью. Во избежание. А над дверью прибили свиток с изречением из Писания: «Преступивший закон мира — да будет осуждён». И не оставили мне не только книг или пера с чернильницей — кусочка штукатурки не оставили, пентаграмму нацарапать.

А за окном, около скотного двора и выгребной ямы, представьте себе, у выгребной ямы — сплошное милосердие и рыцарство! — повесили Нэда. За то, что он якобы научил принца всяким непотребствам. Сняли с двух столбов качели, на которых птичницы качались, закинули верёвку...

Я там несколько месяцев просидел на хлебе и воде, глядя, как разлагается его труп. Я был — ярость во плоти. Сначала просто рыдал от ярости, от тоски, от бессилия, был готов грызть эту цепь. Потом перестал, начал думать.

Я теперь понимаю, что это Те Самые организовали. Для того, чтобы у меня хватило сил на дальнейшую жизнь. Я им за это не благодарен, но что сделано, того не воротишь.

Силы берутся из любви и ненависти. Только так.

Впустили меня перед свадьбой братца. Я бы дольше там просидел. Меня бы, наверное, в конце концов заточили куда-нибудь в каземат, в башню или ещё куда подальше, но решили, что сломали. Я стал тихий. Тихий-тихий, молчал, смотрел в пол. Я давно заметил: если кто-нибудь смотрит в пол, все думают, что ему глаз не поднять. Воспользовался.

Отец мне сообщил, что прощает меня. Ради огромного праздника. Мол, надеется, что я одумался и более оскорблять свой род мерзостями не буду. Весёлый такой был, благожелательный, довольный.

Я кивал, смотрел в пол. Не мог взглянуть на его лицо, боялся: Дар внутри меня бушевал, как пар в котле над огнём, если крышка запаяна. Чугун мог разорвать в клочья, а я же не чугунный. Боялся обозначить свою злобу раньше времени, боялся. Не готов был.

Они меня не спросили, прощаю ли я их. А я не простил. И решил для себя: никогда не буду оставлять в живых тех, кто меня ненавидит. И в раскаяние верить не стану. Всё это чушь для отвода глаз. Человек, как я, может делать вид, что унижен, раздавлен, что ему уже всё равно... а сам будет собирать силы.

Дудки.

Маменька меня поцеловала в лоб. Всё щебетала, щебетала, как она рада, что я исправился. Как ей хотелось, чтобы я порадовался за братца, чтобы принял участие в церемонии. Я содрогнулся, когда она ко мне прикоснулась.

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

А она сказала: «Ничего, ничего, Дольф, всё дурное уже позади. Пойдите, милый, найдите брата, поздравьте. Пойдите, пойдите». Я пошёл.

Нашёл его в гардеробной.

Он стоял перед зеркалами, парадный костюм примерял для свадебной церемонии. Белый и золотой, этакое солнце на снегу, локоны рассыпались по блондам, перстни с бриллиантами горят, как роса утром на белых розах. Шикарно, ничего не скажешь. Шикарно.

Он мне дал подойти, так что я тоже в этих чёртовых зеркалах отразился. И братец полюбовался изящным контрастом: он, восхитительный белый принц, и я — церемониальные тряпки висят мешком, как на скелете, лохмы сальные, рожа осунулась, сутулый, скособоченный... Людвиг в тот момент, полагаю, искренне наслаждался и положением своим, и своей статью, и белым шёлком, и невероятным своим превосходством. Хорошо так, от души наслаждался — на лице было написано.

Можно понять, правда?

И со мной заговорил в точности как отец. Так же благодушно, весело и снисходительно.

— А, — сказал, — славно, что тебя выпустили. Рад. Поглядишь, как это бывает по-человечески.

— Ага, — говорю. И смотрю в пол.

А он продолжил. Улыбаясь. Мой дорогой братец.

— Хорошо, хорошо. Тебе, в конце концов, надо учиться жить, как подобает принцу. На охоту со мной съездишь. Бал посмотришь. Танцевать с тобой, ко-

МАКС ДАЛИН

нечно, едва ли кто-нибудь захочет, но музыку послушаешь всё-таки...

— Ага, — говорю. Всё равно ему не нужны мои ответы.

Он улыбнулся так мечтательно.

— Невеста — Прекрасная Розамунда. Из Края Девяти Озёр. Ты уже слышал? Говорят, она увидела мой портрет — и даже обдумывать не стала.

— Ага, — говорю.

Не стала обдумывать. Ну да. Шестая дочь этого бедолаги из Края Девяти Озёр. Он себе чуть пупок не развязал, придумывая, что всей этой ораве девиц дать в приданое. Разорился, в долги влез. Король, н-да... Младшенькая, все говорили, хороша, как эльф. А денег у папаши больше нет. И за ней дают клочок земли размером с загон для гусей — три деревни, два села — и серебряные ложечки.

Но наша благородная фамилия за приданым не гонится. Были бы у невесты честь и добродетель. И древность рода.

Дерьма тоже... Ещё бы она стала обдумывать. Принц из Междугорья всё-таки. Страна небедная, может, при дворе будут три раза в день кормить.

— Поздравляю, — говорю.

— Завидуешь небось, — говорит. С сердечной улыбкой. — Сравнить прелести Розамунды с костями того дохлого пажа...

И в этот самый миг я вдруг почувствовал, как защита треснула. Смертную боль почувствовал, когда эта трещина пошла по сердцу, по уму, по нервам, по

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

душе... чуть не заорал, так Дар жёг щит Святого Слова. Хотелось корчиться и по полу кататься. Едва стерпел.

И вдруг отпустило.

Я поднял глаза и посмотрел на Людвига. Смотрел и ощущал, как Дар протёк через трещину, то-оненькой струйкой. Как чёрный ручеёк влился в братцев мозг, но не разорвал мозг в клочья, нет — собрался где-то внутри маленькой лужицей, таким стоячим болотцем. Чтобы долго и тихо гнить.

А Людвиг ровно ничего не понял. Понятливость — вообще не наша семейная добродетель. Да ему бы и в голову не могло прийти, что он сейчас сломал мою защиту. И что именно ему нужна эта защита как воздух. И что мой ошейник — это уже просто побрякушка. Цацка. Как любой его дурацкий перстень.

Он посмотрел мне в глаза — мне казалось, что в них моя смертная злоба горящими буквами выжжена — и захохотал.

— Что?! Проникся? Ну то-то. Беги, малыш, играй — сейчас портные придут. К этому костюму ещё плащ полагается — белый с золотым подбоем, представляешь?

— Очень красиво, — говорю.

Еле выдавил из себя. И ушёл.

Я сам не знал и никто не знал, что мой Дар так силен, чтобы проломить три освящённые печати на серебре. А тем более — что я могу наносить раны, которые открываются не сразу. Это уже высшие ступени, многим старцам, высохшим в злодеяниях, не

МАКС ДАЛИН

под силу. Но этой мощью меня не Те Самые Силы одарили, это я понял точно.

Это я такой подарок получил от своих родных и близких. Это мои собственные боль, ярость и беззащитность. Всё могло быть иначе, но они сами сковали мне меч против себя же самих, закалили этот меч и подвесили к моему поясу.

И я им за это тоже не благодарен, потому что, если бы этого не случилось, на моей душе было бы гораздо меньше шрамов.

Людвиг умирал целую неделю. Смешно, но меня даже в мыслях никто не заподозрил. От меня же одни кости остались за время моего затворничества, на мне же ошейник был со Святым Словом. Я же был меньше, чем ничто. И потом — меня, как всегда, перестали замечать.

Они возились с Людвигом.

Лейб-медик сначала сказал: похоже на чёрную оспу. Потом понаблюдал-понаблюдал: нет, скорее на проказу, но осложнённую и нетипичную. И тогда собрали консилиум.

И все эти лейб-медики, просто медики, лекари, знахари, святые отцы кружились вокруг Людвигова ложа, как вороньё вокруг падали — чёрные, хмурые. Обсуждали, советы давали, поили его всякой дрянью...

Ни одного некроманта, конечно, не позвали. Любой некромант с ходу сказал бы, в чём дело: чужая,

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

мол, злоба его убивает. Но кто их слушать будет? От лукавого. И потом, где бы взяли некроманта в таком-то благочестивом государстве. Так что мне ничего не грозило.

Обо мне говорят, что я не знаю жалости... Очередная ложь.

Я не наслаждался, не верьте слухам. Я смотрел на него, на его смазливое личико в язвах, на руки, высохшие, потрескавшиеся, покрытые струпиями — и мне было ужасно больно, физически. Под лопаткой резало. Меня корчило от жалости. Я ненавидел себя за то, что сделал именно так. Я бы его добил с облегчением, из сострадания добил бы, по-другому ему нельзя было помочь — но они-то надеялись, что он выздоровеет...

Ох, если б он меня позвал и попросил смерти! Если бы он что-нибудь понял, хоть перед самым концом! Я бы, наверное, плюнул тогда и на корону, и на власть — я бы отпустил его душу, а сам в монастырь ушёл бы. И никогда больше не использовал бы Дар. Даже чтобы муху прихлопнуть.

Но так не бывает.

Он смотрел на знахарей бешено и хрипел:

— Быдло тупое! Холуи ленивые! Что, ни один идиот не может придумать, как скорее меня вылечить?! Мне же больно, гады! У меня же невеста! Вам что, всё равно, да?!

Ему и в голову не могло прийти, что кому-то может быть всё равно. С ним всегда все носились. Да что там! Весь белый свет существовал для его удовольствия. Все люди служили ему игрушками. Он никогда

МАКС ДАЛИН

не страдал, мой братец Людвиг. Он был здоровый, его никогда не били, ему давали всё, что он попросит — а тут...

О, как его бесило, что Господь Бог его не слушается! Он же просил — дай мне поправиться, ясно просил — а Бог не даёт!

Уже перед самым концом он скулил как щенок:

— Папенька, сделайте что-нибудь! Ну сделайте! Я жить хочу!

И папенька смахивал скупую мужскую слезу, а маменька просто в конвульсиях билась. Но как бы они ни оплакивали его — горе им не мешало меня ненавидеть.

Я же теперь стал наследником. Вот так.

Людвиг мне сказал напоследок:

— Ты, Дольф, сам знаешь: ты в наследные принцы не годишься. Ты выродок. Но судьба за тебя, будь всё неладно — радуйся давай! Радуйся!

А отец с матерью меня взглядами просто в пол впечатывали. Они тоже так думали, слово в слово. Меня их отвращение к земле гнуло, в узел завязывало, но ненависть распрямила.

Если бы не неделя с Нэдом, они бы меня стоптали в пыль. Но теперь у меня было оружие, хорошее, надёжное оружие — и я даже глаз не отводил. И не раскаивался.

Когда Людвига хоронили, я придерживал гробовую пелену и ощущал на себе взгляды двора. И как всегда — принимал к сведению.

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

В день его похорон как раз собирались устроить помолвку.

Прекрасная Розамунда стояла в сторонке, вся мокрая от слёз, вся в чёрном: замученный пушистый котёночек, который попал под ливень. Маленькая такая, тоненькая — в свите своей, среди громадных баронов и толстых фрейлин. Всё, помню, пожималась — ветрено было, пасмурно, хоть и июнь, — и платочек мусолила.

Кого я всерьёз жалел — так это её. Так хорошо пристроили девчонку — и вот такое разочарование страшное. И какими глазами она смотрела на Людвига в гробу — не передать. Смесь жалости, ужаса, отвращения, нежности — порох такой внутри души. Одна посторонняя искорка — рванёт, и сердце разорвёт в клочья.

Я думал — ишь, ещё не невеста, а уже вдова. Бедняжка.

Ребёнок я ещё был, ребёнок. Не знал, на что Те Самые Силы способны, но на что обычные люди способны, чтобы соблюсти свою выгоду, я ведь тоже не знал до конца. То, что дальше вышло, меня поразило, просто, можно сказать, ошарашило.

Государь-то Края Девяти Озёр вовсе и не собирался рвать брачный контракт с моим батюшкой и терять для любимой доченьки такую выгодную партию, хоть весь мир сгори или провались. Сам лично приехал договариваться и разбираться. На Совете резал правду-

МАКС ДАЛИН

матку, аж клочья летели. Старший принц умер — пу-
стяки какие, в самом деле! Младший-то остался! Он
что же, не мужчина у вас?

Папенька, как я слышал, ответил: «Да не совсем».

Ну и что? Кому это интересно-то? Кого волнует?
Ещё подрастёт, чем бы дитя ни тешилось... И потом —
ему уже, считай, сравнялось четырнадцать, а девочке
ещё не исполнилось пятнадцати: ровесники!

Батюшка мой слабо отбивался. А папенька Роза-
мунды наседали. И в конце концов слово прозвучало —
некромант.

Только это никого не остановило. Они были в та-
ком раже от заботы о престолонаследии и собствен-
ных деньгах, что им уже на всё плевать хотелось.

Подумаешь, некромант. Хоть вурдалак.

Я же бедную девчонку больше жалел, чем её соб-
ственная родня. И я всё понимал, несмотря на воз-
раст — она ж не первая девчонка была, которую я ви-
дел в жизни. И ей показывали портрет Людвига, она,
может быть, даже поболтать с ним пару раз успела,
с нашим белым львом, потанцевать... а теперь должна
как-то смириться вот с этим... что я в зеркале регуляр-
но вижу.

Меня лейб-медики осматривали, и озёрный, и па-
пин — стыдобища. О таких вещах спрашивали, за та-
кие места хватили — думал, сгорю на месте. Но обоим
государям донесли, что, невзирая на свой юный воз-
раст, я уже вполне мужчина, что бы я там о себе ни
вообразил. Короче, подписали приговор нам обоим.

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

В городе объявили, что наша помолвка состоится сразу по истечении срока траура. И весь город шептался все три траурных месяца, что отдали, мол, кривобокому шакалу белого ягнёночка. Я об этом знал, потому что при дворе болтали то же самое, только злее.

А я сидел в любимой клетушке на сторожевой башне и строил иллюзии. Нэда вспоминал, вспоминал, как славно, когда рядом... как сказать... ну, когда обнимают тебя горячими руками, по голове гладят, говорят что-нибудь доброе, пусть хоть пустяковое. Я же одиночкой рос, меня никто не ласкал — проклятая кровь, — а хочется, хочется ведь...

Клянусь Той Самой Стороной или Господом, если вы так легче поверите: ни о каких непристойностях не думал. Ни о самомалейших. Просто размечтался: как я Розамунде объясню, что я ей не враг, что обижать не стану и другим не позволю... Что лапать её, как все эти придворные кавалеры — своих девок, нипочём не буду, а в первую ночь поцелую ей руку, только руку... Ну если только в уголок рта ещё, если она захочет.

Что вопросами престолонаследия станем заниматься, только когда она сама позволит. Когда подружимся. Расскажу ей, думал, как Нэду, всё честно. Чтобы она поняла, что я не законченная мразь... и что не завидовал Людвигу — другая причина была... Если только когда-нибудь посмею ей сказать, что Людвигу убил...

И не из-за неё.

МАКС ДАЛИН

А к ней подойти не получалось. Она вечно с дуэньями ходила. А у дуэний был вид цепных собак. И я решил, что это, видно, против правил каких-то — разговаривать с невестой до свадьбы. Не стал настаивать.

Я не влюблён в неё был, нет... но она меня занимала. Даже очень. Я всё думал, что она мне станет подругой, родным человеком. Что всё будем обсуждать вместе, разговаривать...

Поговорить иногда ужасно хотелось. Это у меня редкое удовольствие было: разговор. Я иногда даже романы читал, как там люди разговаривают, хотя не любил романы, кислятину сопливую. А тут, думаю, повезло мне. Девчонки любят болтать, просто сами не свои. А я буду слушать. Им же нравится, когда их слушают. Узнаю, что она ещё любит, почитаю книжки об этом... даже если это будут платья или пудра, всё равно...

Скромные мечты... Я даже пару уроков танцев взял, хоть на балы никогда не ходил и танцевать терпеть не мог. Может, думал, она все эти танцы-шманцы любит, девчонка же...

Тяжёлые выдались три месяца, как вспомнишь. Я про всё забыл, даже книг не читал, ходил как в тумане каком-то. Всё казалось, теперь начнётся совсем другая жизнь. Не то чтобы даже счастливая, а просто потеплее, чем эта. Всё равно что отдали бы мне Нэда, и он бы спал в моей постели, и обнимал бы меня осенними ночами, когда за окном льёт и ветер

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

воят, каменный холод, весь мир против тебя, и ты кусаешь подушку, чтобы не взвыть на весь дворец...

Мне тогда хотелось только тепла — больше почти ничего.

А она была тоненькая, с тёмно-золотой косой, с длинной шейкой, с громадными глазищами, синими, бархатными, будто дно у них выложено фиалками... с маленьким ротиком, бледно-розовым, как лепесточек. И таскала свои тяжеленные роброны, чёрные с золотом, несла подол впереди стеклянными пальчиками...

Ужасно была похожа на эльфа, как их на старинных миниатюрах изображают. Только один мой авторитет, некромант, конечно, в своём историческом труде утверждает, что эльфов на свете никогда не было.

Что это выдумка. Правда, красивая.

Это, помню, тогда выдалось холодное, а осень и подавно — холодная, туманная... Выглянешь утром из окна — туман лежит пластами, хоть режь его, сумеречно так, пасмурно — и на душе смутно, беспокойно, будто её царапает что-то... Тяжёлый был год, тяжёлый. Очень для меня памятный и тяжёлый...

Свадьбу назначили в начале октября.

Мне тоже сшили такой костюмчик, как покойному братцу, царствие ему небесное. Белый с золотом.

МАКС ДАЛИН

Только если Людвиг в этом белом выглядел как солнце на снегу, то я — вроде облезлого грифа, переодетого гусем. Умора, право слово.

Я давно заметил: если когда и выгляжу более-менее сносно, так это только в виде небрежном, растрёпанном, что ли, немножко. Когда волосы взлохмачены, воротник расстёгнут, манжеты выдернуты из рукавов... Конечно, по-плебейски смотрюсь. Но, по крайней мере, не как зализанное чучело.

Но церемониймейстер, портной и вся эта компания во главе с моим камергером просто, похоже, сговорились меня поэффектнее изуродовать. С Господом Богом им, разумеется, не тягаться, но определённых успехов они достигли.

Запаковали меня в эту парчу и атлас, как флейту в футляр. Воротник накрахмалили, и он перекашивался так, что мои разные плечи за милую было видно невооружённым глазом. А волосы завили и напудрили. И лицо от этого выражение приобрело совершенно идиотское, как ни погляди.

Потом стало всё равно. Потом. Но в четырнадцать лет это кажется жутко важным: хорош ты внешне или плох. Глупо. Ребячество. Но ничего не поделаешь. Вот я стоял у зеркал, глотал комок в горле и думал, что лучше сбежать в дикие леса и стать там отшельником, чем в таком виде показаться перед двором, который только и ищет, над чем бы зубы поскалить.

А тем паче — перед Розамундой.

Тем более что она вплыла в храм лилией из инея, в острых бриллиантовых огоньках, бледнее круже-

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

ва вокруг её личика, на белом — одни глаза, тёмные сапфиры, а в них отражаются свечи. И пока она ко мне подходила — я себя и этак, и так... Всеми словами. Про себя.

Смотреть я на неё не мог, надо же на святого отца — но рука у неё, помню, холодная была и влажная. И дрожала. И я думал, что она озябла и боится. Я бы её Даром прикрыв крепче крепостной стены, от любого несчастья, от всего мира...

Там, в храме, я всё плохое, что о девчонках и о романах думал, будто куда-то в дальний ящик запер. Я поверил, в собственные мечты поверил, в хорошее поверил... в то, во что верить нельзя. Очередная глупость.

Потом был обед. Скучный, церемонный. Розамунда сидела раскрашенной статуэткой, ничего не ела, всё молчала. И мне не лез кусок в горло. Я только слушал, как батюшкины придворные скрепя сердце или, как Нэд однажды сказал, «скрипя сердцем», меня поздравляют: всё это враньё, дешёвое враньё, издевательское враньё, насмешливое враньё...

Вот тут-то мне и закралась в голову мысль, что эта свадьба — тоже кусок моих постоянных налогов Той Самой Стороне. Я это додумать до конца побоялся, до холодного пота между лопатками, но это-то сущая правда была. Правда.

Единственная правда на том пиру, будь он неладен.

Еле дождался, чтобы нас оставили, наконец, одних.

Шут отца Розамунды, гнидка горбатенькая, ещё вякнул, что, мол, юного жениха снедает нетерпение наконец взглянуть, в тон ли робам на невесте подвязки, — и все заржали. А я опять почувал, как Дар во мне загорелся тёмным пламенем... он всё это время как бы тлел, будто угли под пеплом, а тут полыхнул так, что щёки вспыхнули. Но я сдержался.

Я решил, что со всей этой сволочью потом посчитаюсь. Подал руку Розамунде, а она только сделала вид, что подала свою — чуть-чуть прикоснулась. И когда мы уходили, мне снова было жаль её до рези в сердце... но кроме жалости оттуда прорезалась и ненависть.

Ждала своего часа. Я ещё не знал какого.

Мы пришли в спальню. Поганое брачное гнёздышко, как в самых гнусных романчиках — розовенькие кисейки, золотые бордюрчики, хмель везде... И меня вдруг затошнило, но не как бывало раньше, когда я за Людвигом шпионил. Предчувствие появилось, нехорошее до невозможности. Всё внутри тремя замками замкнуло от ужаса.

Я посмотрел на Розамунду, а она опустила глаза. И мне стало ещё страшнее — до судорог.

— Вы устали, да? — говорю. Ничего умнее на язык не идёт.

— Да, — отвечает. Еле слышно. Она в моём присутствии в полный голос ещё ни разу не говорила.

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

— Может, — говорю, — вы, сударыня, глинтвейна хотите выпить? Или орешков вам насыпать?

— Нет.

Тихо, но резко. Нет. Всё нет. И я сказал:

— Вам плохо?

Она подняла голову, встретила мой взгляд — как щитом. И лицо у неё было напряжённое, упрямое и какое-то ядовитое — совсем не эльфийское, я бы сказал, а настоящее девчоночье. Вздорное. Не вызов, как у парня, а желание ранить и не получить рану в ответ.

Они не признают никаких законов поединка. Бьют в больное место и прикрываются чем-нибудь непреодолимым, вроде слёз или обвинений. Я об этом совсем забыл. Размечтался. И теперь мне напоминает Та Самая Сторона — из её глаз.

— Мне прекрасно, — сказала она. — Я счастлива. Вы же всё сделали для моего счастья.

Я не понял. И растерялся.

— Ну как же, — продолжает. И в голосе яда всё больше и больше. — Вы же некромант, все говорят. Это вы убили Людвига.

Достань она из корсажа кинжал и воткни мне в горло — то на то и вышло бы. Я задохнулся, только смотрел на неё во все глаза. А она продолжала, негромко, как будто спокойно — и ядовито, будто у неё тоже был Дар своего рода:

— Я много о вас знаю, Дольф. Вы упиваетесь смертями, как гиена. Вы с детства завидовали Людвигу. Вы похотливы — да, мне об этом тоже сообщили! Вы развлекаетесь омерзительными вещами. И вы

МАКС ДАЛИН

убили Людвига из зависти и из похоти — я об этом легко догадалась. Вы влюбились в меня и разбили моё сердце. Вам хотелось меня получить — и вы получили. Как вы жестоки и как вы низки!

Я сел. Я потерял дар речи. А она продолжала:

— Людвиг был лучше вас в тысячу раз, Дольф. Он был красив, он был благороден, он был добр и любезен. Он был способен любить, понимаете? Вам, верно, и слово-то это неизвестно. Он говорил мне удивительные вещи...

И заплакала.

А я подумал, что он говорил удивительные вещи фрейлинам, прачкам, горничным, бельёвщицам — даже кухаркам. И уж что другое — а любить он был способен так, что только мебель трещала. И что её благородный Людвиг с доброй улыбкой наблюдал, как Нэд стоит и плачет куда горше, чем Розамунда, а на его шею накидывают петлю.

У меня сжались кулаки сами собой, и лицо, видимо, тоже изменилось, потому что она посмотрела на меня сквозь слёзы и сказала:

— Вам нестерпимо слушать правду, да? Вы уже и меня убить готовы, палач?

А я не привык говорить. Не умел оправдываться, не умел быть галантным, вообще ничего такого не умел. И я сказал как умел.

— Если я палач, — говорю, — что ж вы сказали «да» в храме?

Она разрыдалась в голос. Её всю трясло от слёз, мне хотелось погладить её по голове или обнять, но я боялся, что она это не так поймёт. Я не злился на

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

неё, нет. Я понимал, что её обманули маменькины статс-дамы, забили ей голову всяким вздором... я не знал, что с этим делать, но мне казалось, что она не виновата.

Я чувствовал ледяную бессильную ярость на судьбу. Но не на неё.

Я тогда ещё не знал, что очень красивые и очень беспомощные с виду люди могут быть самыми изощрёнными врагами. Беспомощность Розамунды совершенно меня обезоружила.

А она, рыдая, выкрикнула:

— Теперь у вас хватает жестокости попрекать меня послушанием! Как я могла послушаться отца, как?!

— Сказали бы, что я убил брата, — говорю. — Отправили бы меня на костёр.

— Я говорила! — всхлипывает. — Но мне никто не верит!

— Вот здорово, — говорю. — Вы вышли замуж за того, кого хотели убить?

Она вытерла слёзы и пожала плечами. В этом вся соль. Добавить нечего. Она ведь тоже была ещё ребёнком — такая непосредственная. Ещё не умела врать, как взрослые дамы — по-настоящему.

Самое отвратительное, что мы в ту ночь легли в постель вместе.

Я сидел на краешке ложа и ел конфеты. Миндаль в сахаре, точно помню. С тех пор ненавижу этот вкус до рвоты: как случается что-нибудь стыдное, тя-

МАКС ДАЛИН

жѐлое, больное, так во рту этот привкус. Сладкий, горьковатый, ореховый.

Я вообще сладкое не люблю. Но хотелось руки чем-нибудь занять и рот занять, а, кроме этого миндаля мерзкого, нам ничего не поставили.

А Розамунда сидела с другой стороны и тоже ела миндаль. Всхлипывала и хрустела конфетами. Я понимаю, что это глупо выглядело, но на самом деле я чувствовал, что нас просто заставили быть вдвоём в одной спальне, железными крюками стянули. Надо было как-то барахтаться, чтобы не утонуть, в стыде, в злобе, в гадливости — кому в чѐм.

Мы ужасно долго так сидели. Часы на башне пробили четверть одиннадцатого, потом половину, а мы всё ели орехи и не могли больше ничего сделать.

В конце концов я сказал:

— Сударыня, я спать хочу. Я тут лягу на краю, ладно? Похоть? Какая похоть?

Я чувствовал себя как каторжник в цепях. Или как узник в тюрьме. И бежать было некуда.

А Розамунда посмотрела на меня презрительно и говорит, ещё холоднее и ядовитее, чем раньше:

— Вы, значит, совсем не мужчина? Да?

Я проглотил злой смешок. И сказал:

— Вы решите для себя, сударыня, кто я — похотливая скотина или вообще не мужчина. А то нелогично.

Розамунда прищурилась и выпалила:

— А, так, значит, это вы решили надо мной поиздеваться? Показываете, что я вам не нужна? Так вот, не подумайте, что я желаю ваших ласк, сударь! Просто

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

всё должно делаться по обычаю, если вы не помните. И иначе — я не знаю, какими глазами буду смотреть завтра на вашу мать.

— У вас что, — говорю, — несколько пар глаз?

Розамунда вздохнула устало, и глаза — единственная пара — у неё наполнились слезами, а я подумал, что можно было сарказм и приберечь для другого случая.

Она была нереально красива. И незащитна. А я чувствовал себя злобной тварью. Нестерпимо хотелось это хоть как-то исправить, помочь ей, утешить — но я даже представить себе не мог как.

И сказал, смягчив тон, как мог:

— Да я ничего такого не имел в виду. Я же не слепой, вижу ваши неземные совершенства... и это... за-предельное изящество.

Из неё на мгновение радость польхнула, этаким вспышкой — р-раз и нет. Я подумал, что правильный комплимент вспомнил и что стоило свеч читать романы.

Я сейчас понимаю, что я тогда подтвердил ей, что у меня одна похоть на уме. Но тогда... слепым щенком я был тогда. Безмерно наивным.

Я ужасно долго расстёгивал крючки у неё на р-бронне, корсаж ей расшнуровывал, потом вытаскивал какие-то штуки, вроде тонких длинных гвоздей, у неё из причёски и думал, что камеристкам нелегко живётся. А Розамунда передёргивалась, если я случайно дотрагивался до её голого тела. А мне от её вздрагивания было как от ударов.

МАКС ДАЛИН

Я не мог это сделать, не прикасаясь — а прикасаясь, чувствовал себя палачом. Я уже понял, что ничего, называемого «утехами», не предвидится, что это будет неприятно и невесело. И не согреет нас. Что это будет не игра, а работа, причём тяжёлая и неприятная.

Потому что, если тебе нужно делать что-то против воли, это моментально превращается в работу. Даже любовь.

Дальше был затянувшийся кошмар. Розамунда не хотела, чтобы я её целовал, дёргалась, когда я пытался её обнять, и отчаянно старалась на меня не смотреть — но немедленно полоснула взглядом, как ножом, когда я попытался отступить. Ей надо было. Ей приказано было довести обряд до конца, ей надо было стать дамой — и она собиралась стать дамой, несмотря на отвращение ко мне. Мне передалось её отвращение, мне было мерзко от собственной наготы, я был сплошное клеймо Тех Самых... и до сих пор дивлюсь, как вообще сумел довести ритуал до конца. И когда мы кое-как отработали эту кошмарную повинность, оставаться рядом не было сил. Я думаю, мы оба казались себе гадкими, как замаранные в чём-то. Я, во всяком случае, чувствовал себя грязным с головы до пят.

К тому же я не мог избавиться от мысли, что ранил Розамунду. Крови оказалось немного, но от тяжёлых ран бывает и меньше. Мне было тошно, жалко, тоскливо, душно, зло, стыдно — короче, я чувствовал что угодно, только не хвалёную похоть.

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

Мы легли спать, раздвинувшись так, как только ложе позволило. Я слышал, как Розамунда ворочается и всхлипывает, мне ужасно хотелось подать ей руку или сказать что-нибудь доброе, вроде «Не берите близко к сердцу, сударыня», но я уже знал, что это бесполезно.

И сочувствовать ей глупо. И жалеть её глупо. В отличие от меня, она получила то, что хотела.

Розамунда теперь была дама, а я её супруг перед небесами... Теперь лучшее, что я мог сделать для неё — это не лезть с дурацкими нежностями, а немедленно провалиться сквозь землю. Она осталась бы благородной вдовой — и всё было бы просто замечательно. Но я каким-то образом в очередной раз не подохо, хотя, кажется, люди должны дохнуть от стыда и вины такой мощи.

Те Самые Силы получили свой сладкий кусок. Теперь надо было как-то жить дальше.

Так и началась эта моя новая жизнь. Следующий день после свадьбы принёс сплошной позор, а что же могло быть ещё? И через день был позор и была тоска. Но, слава Господу, я выяснил, что мне можно не спать в спальне Розамунды каждую ночь — и мы разошлись жить по разным углам. Это было очень славно, потому что иначе мы бы довели друг друга до сумасшествия.

Так всё и пошло. Розамунда жила в кабинете для рукоделий, там у неё её свита, камеристки, чтица —

МАКС ДАЛИН

там ей читали вслух слюнявые баллады о неземной любви и рыцарские романы, в которых у героев дивная статья, а она тем временем вышивала наалтарный покров с ангелочками для дворцового храма.

А я жил в библиотеке. Или на башне. Или шлялся по дворцу, подглядывал и подслушивал — вёл свою обычную жизнь. Меня не посвящали ни в какие дела. Я попытался перед Большим Королевским Советом намекнуть отцу, что не худо бы и меня пригласить, я же наследный принц всё-таки — но он на меня так рывкнул, что у меня отпала охота спрашивать.

— Будешь делать только то, что я велю! Подлый выродок, даже заикаться не смей! — что-то в таком роде.

Я больше заикаться не стал. Я хорошенько рассмотрел помещения, примыкающие к Залу Совета, и нашёл одно с интересным акустическим эффектом. И с тех пор присутствовал, только без лишней помпы. Так появилась ещё одна политическая проблемка, о которой отец не знал.

Я очень внимательно слушал. А после Совета шёл в библиотеку, доставал карты Междугорья и окрестных земель и всё сопоставлял. И ещё у меня был давно украденный из библиотеки трактат Хенрика Валлонского «О разумном управлении финансами» — и я его штудировал не хуже, чем заклинания. Я же отлично понимал: Дар Даром, но деньги тоже нужны.

Книжка была совсем новенькая, когда я её украл. А теперь выглядела довольно неказисто, но зато я мог её читать наизусть с любого места, как Священное

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

Писание. Хенрик Валлонский был мой единственный авторитет кроме некромантов древности.

С помощью этого моего учителя и карт с землеописаниями я потихоньку разобрался во всех политических сложностях. На это уходила адова уйма времени: у меня иногда просто мозги закипали, когда я пытался сообразить, какой тайный смысл заключён в какой-нибудь простой новости и что она даёт, но я кожей чуял, что это надо.

Потому что я понял: никто из вассалов не смел впрямую врать моему папеньке. Но они говорили, чуть-чуть меня ударения, и он думал, что всё прекрасно, когда вокруг была полная задница. Самые невинные вещи оборачивались самыми подлыми интригами. Три законченных подонка — премьер, канцлер и казначей — обворовывали моего батюшку заодно с Междугорьем так, что комар носа не мог подточить, а всё потому, что они тоже читали старика Хенрика, а батюшка читал «Рассуждения о соколиной охоте» и «Достоинства породистых лошадей».

Я пока ничего не мог сказать. Но я по-прежнему принимал всё к сведению. Я очень уважал этих троих — но тогда был совершенно уверен, что прикажу их повесить, как только надену корону. В казне не хватит денег, чтобы платить им жалованье в тех масштабах, в которых они воровали.

Два или три раза в месяц меня ловил личный лекарь Розамунды, чтобы сообщить, что сегодня её прекраснейшее высочество будет ожидать меня в своей опочивальне. Это были какие-то её особые дни, кото-

МАКС ДАЛИН

рые вся эта компания рассчитывала по звёздам или ещё по чему-то — когда мы могли наконец подарить Междугорью продолжение династии. Этих дней я через некоторое время ожидал, как приступов зубной боли, а после них мне снились кошмары, настолько же страшные, насколько и неприличные.

А Дар...

С тех пор как я убил Людвига, все эти серебряные безделушки перестали мне мешать. Я обрёл над Даром абсолютный контроль. У меня пока не хватало фантазии и опыта на то, как его применить, но я уже ощущал смерть всем телом, и она мне подчинялась. Вот кто был моим единственным другом в те поганые времена, когда даже мой собственный камергер — и тот служил мне из-под палки и болтал гадости за моей спиной.

Смерть.

Чем больше я читал, тем более интересные вещи приходили мне в голову.

По приказу моих милых родных бедное тело Нэда — кости с ключьями плоти — бросили в ров, где хоронили казнённых без напутствия Святого Ордена. Я сходил туда ночью и отпустил его душу, привязанную к этой грязной яме. Когда он уходил вверх, я успел ощутить его последнюю улыбку. Это немного меня утешило.

Я ему жизнь спасти не мог, но уж посмертие-то спас — и знаю, что он это понял. И Дар мне после этого стал особенно драгоценен. Лучшая часть меня.

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

Я бродил ночами по дворцовым переходам и чувал обострившимся Даром места, где была пролита кровь. Несколько раз я отпускал души, привязанные к месту своей насильственной смерти: их убили по приказу моих предков, и, отпуская призраки на волю, я радовался за них и злорадствовал над предками. Однажды, когда часовой заснул, я украл у него ключи и спустился в дворцовое подземелье. В нём не держали узников уже лет двадцать: папенька не любил, чтобы вопли пытаемых мешали ему пировать, так что враги короны переехали в Башню Благочестия. Зато я нашёл тут немало интересного для себя. Дар светил ярче любого факела и высвечивал потрясающие вещи.

Я до такой степени научился общаться с неупоконными, что поговорил даже со страдающей душой бедолаги, замурованного в стену сотню с небольшим лет назад. Он имел неосторожность прилюдно сказать пару добрых слов о тогдашней королеве — причём святую правду, как я понял. Но ни королева, ни её порфиноносный супруг этого ему не простили — именно потому, что это была правда.

Мы с ним посплетничали о королевской власти. И я простил его от имени предков и облегчил ему уход, насколько смог.

Тогда эти бедные души, запертые в кровавых пятнах, в ржавых кандалах и в каменной кладке, казались мне таким явственным отражением моей собственной участи, что хотелось всех освободить. Всех.

МАКС ДАЛИН

Чтобы не слонялись по дворцу, как по тюремной камере. Как я.

Но именно там, в подвале, одна интересная потусторонняя личность встретила меня иначе, чем прочие.

Его звали Бернард. При жизни. Он принёс мне официальную присягу по всей форме, принятой двести лет назад, и стал таким образом моим первым настоящим вассалом — добровольным.

Чудный призрак. Когда он собирался в подобие телесной формы, становился мерцающей тенью сухого сутулого старикашки в берете с пером и старинном костюме — рукава у кафтана вроде кочанов капусты. В своё время он служил по тайным поручениям у тогдашнего канцлера. Совершенно вышесредний был сутяга, наушник, доносчик. В курсе всех дворцовых интриг: кто где, кто с кем, кто о чём болтает...

Его удушили двое придворных его же собственным шарфом тут, в подземелье — он спускался записывать допрос очередного узника и неосторожно зашёл за угол. И больше всего глодало бедолагу, что он уже не смог донести на тех, кто его убил. Не было тогда при дворе некромантов — так что некому оказалось стукнуть. Оттого и душа его не обрела покоя.

Меня же Бернард слёзно просил не отпускать его к престолу Господню — наверное, потому, что от Божьего Суда не ожидал для своей души ничего хорошего. Умолял только отвязать от места смерти. Чтобы он мог бродить, где захочет, и служить мне верой

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

и правдой согласно своей потрясающей, отточенной с годами квалификации.

— Я, — говорил, — ваше драгоценное высочество, теперь-то, стало быть, могу куда как больше пользы короне принести. Я же теперь и через дверцу, и через стеночку — в любую щёлку пробраться могу. Коли бы мне суметь из подполья-то выйти, уж я бы вам, ваше высочество, на всё раскрыл глаза-то. Людишки-то, чай, вовсе избаловались без пригляду. Вот кабы мне раньше этот талант иметь, уж пакостники-то не обрадовались бы: злодей-то, чай, думает, что на него и управы нет, ан управа-то — вот она... А для себя-то мне ничего уж не надобно — лишь бы всё по закону состоялось...

И хихикал. Душка. Только сильно убивался, что ручку мне облобызать не может.

Я его отвязал. И даже пожаловал придворную должность — шеф Тайной Канцелярии. Уж моя-то Канцелярия получилась самая Тайная из всех мыслимых: Бернард вокруг себя шума не устраивал и мало кому показывался. Отчасти из-за того, что силёнок у него было не в избытке, отчасти — по профессиональной привычке. Не стонал, не вопил, цепями не гремел — о нём мало кто знал, и нам это оказалось на руку.

Старик даже прослезился, когда я ему сообщил своё решение. Бумагу с моей подписью и гербовой печатью о вступлении Бернарда в должность я ему, конечно, отдать не мог, — как бы он её взял, — но составил по всем правилам, показал ему и спрятал

МАКС ДАЛИН

у себя. Старик обожал всю эту канцелярщину, стоило ж сделать приятное своему приближённому.

И меня он действительно любил. Призрак некроманта обмануть не может: сколько при нём души осталось — столько он мне и отдал. Наверное, при жизни был законченным подонком... но и при жизни в нём это водилось: преданность долгу и умение быть благодарным. Не так уж много, конечно, но мне и этого хватило: у меня не было преданных живых, я был готов привечать преданного мёртвого.

Так я приобрёл дополнительные глаза и уши, а заодно собеседника и советника с бесценным опытом по части дворцовой интриги. Душа Бернарда теперь слышала мой зов, вернее, призыв моего Дара, где бы ни находилась, и по зову навещала моё убежище на башне. Я наслаждался разговорами — старикан любил рассказывать и рассказывал весьма захватывающе. Сижу, бывало, вечером на охапке соломы, у бойницы, — свет из неё красный, закатный, ветренный, — а Бернард рядом, еле-еле виден, будто грифелем на стене нарисованный. И не спеша так излагает:

— ...дядюшка-то ваш, принц Марк, по братце-то вашем не больно сокрушается. Своими ушами слышал, как он вашему кузену-то да своим баронам говорил, что, мол, теперь самое время настало выждать да надеяться. Мол, маменька ваша, ваше высочество, другого сынка по слабости своего здоровья представить не сможет, а вы, ваше высочество, у государя не в милости. Ведь намекал, пакостник, чтоб своего щен-

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

ка в обход вашего высочества на трон взгромоздить — так-таки и сказал, не посовестился...

В общем, я потихоньку с помощью Бернарда весь двор разделил на настоящих врагов, пассивных врагов и недоброжелателей. Друзей у меня не было: Бернард утверждал, что обо мне никто не говорит хорошо за глаза, и я знал, что он прав. Я не питал иллюзий — общее пугало, некромант, выродок, урод, проклятая кровь — и только собирался принять меры, чтобы не подвернуться под яд или нож до того, как Та Самая Сторона начнёт выполнять обещание.

Я ещё не понимал, что обещание уже потихоньку выполняется...

А Розамунда, несмотря на все наши тошнотные усилия, никак не становилась беременной — и бабюшка, если я случайно попадался ему на глаза, орал на меня. Проклятая кровь, не угодно ли, мёртвое семя, какой я мужчина, чем мы занимаемся, я буду виноват, если род пресечётся. Через некоторое время я все эти перлы уже мог наизусть цитировать — но мне тут было ничего не изменить. Розамунда мне тоже говорила: «Вы же понимаете, что должны?» — будто моё понимание что-то решает.

Предполагалось, что я терзаю Розамунду своими нечистыми страстями. На самом деле я отработывал супружеский долг, как мужик — барщину, не становясь ближе к жене ни на ноготь: теперь она ненавиде-

МАКС ДАЛИН

ла меня ещё и за то, что не становилась полнее. Она была ослепительно прекрасна; я казался себе идиотом, влюблённым в алебастровую статую, каким-то грязным волшебством обученную отпускать колкости, когда этого меньше всего ждёшь.

А батюшкина свита шепталась: не дай Бог, деточка унаследует моё проклятие. И меры принимали со страшной силой: вся наша супружеская спальня была завешана ладанками из святых мест, под подушками лежала и воняла освящённая лаванда, на половине Розамунды поселился её духовник... Он даже подряжал монахов петь благословения и молитвы прямо ночью, когда я к Розамунде приходил, но это было выше моих сил. Я съязвил, что вместе с прочим нечистым сбродом святые люди изгоняют и меня, Розамунда немедленно всем это разболтала, духовник обозвал меня неблагодарным и маловерным — но хоть от молитв по ночам я избавился.

Уже хорошо.

Прошёл год, прошёл второй, третий приходил к повороту, на мою голову уже сложили все ругательства, какие знали, — но моя прекрасная супруга наконец всё-таки начала полнеть.

Мне сказали: «Первый раз от тебя забрезжила какая-то польза».

Я тихо обрадовался. Я надеялся, что от меня отстанут — и отстали. Теперь занимались Розамундой. Маменька взяла её жить в свои покои, вокруг неё всегда толпились дамы и повитухи. Я подумал, что Розамунда в какой-то степени заменила маменьке

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

Людвига. А может, маменька ожидала, что моя жена родит ей нового Людвига, не знаю.

Я же очень продуктивно проводил время. Я учился.

Учителей у меня не было уже давно. С тех пор как я прикончил гувернёра, придворные профессора и мудрецы ко мне в наставники не рвались. А батюшка решил, что если уж я умею читать-писать, то большего и не надо. И так от меня одна головная боль — а вот буду ещё слишком умным...

Поэтому я до всего доходил сам. Дар много помогал. Дар и чутье. Но я всё-таки понимал, что, будь у меня учитель, дело шло бы куда быстрее и толковее. Я ведь совал нос во все книги подряд: что казалось непонятым — откладывал, выбирал что поинтереснее, начинал ставить опыты, соображал, что не знаю самого главного, — и снова лез туда, где сложно... Иногда впору было рыдать без слёз и волосы на башке драть — так это оказывалось тяжело.

У меня, к примеру, в семнадцать на руках живого места не было — я учился поднимать мертвецов проклятой кровью. Удирал ночью на кладбище Чистых Душ, благо от дворца четверть часа быстрой ходьбы, искал Даром могилу посвежее, рисовал знаки призыва, резал запястья, обращался к Той Самой Стороне, капал кровью на вскопанную землю...

Когда первый труп встал — у меня от радости дыхание спёрло. Будто весь мир подарили. Могу! Додумался! Сил хватило! Прости Господи, извините за подробности, просто расцеловал эту квёлую бабку, которая мирно опочила, наверное, от старческих бо-

МАКС ДАЛИН

лячек. Ничегошеньки она не могла — поводила мутными гляделками туда-сюда и покачивалась, пока я танцевал вокруг неё; приказов не слышала и не понимала — но она всё-таки встала, а потом легла на место. Я был такой счастливый...

Наверное, мои упражнения кто-то видел. Слухи обо мне пошли гадкие запредельно — все старые сплетни теперь просто в счёт не брались. Болтали, к примеру, что я забавлялся с трупами девиц. Честное слово, мне это и в голову не приходило, мне хватало вполне освящённых церковью забав с холодной, как покойница, супругой. Да, я в то время готов был переселиться в избушку кладбищенского сторожа, чтобы вообще с кладбища не вылезать, да, у меня порезы на руках не успевали заживать — но чтобы обольщаться сомнительными достоинствами мертвецов... Да идиоты! Когда кто-нибудь из рыцарей днюет и ночует в конюшне, про него почему-то не говорят, что он справляет грех с кобылами.

Поднятых трупов непосвящённые жутко боятся — никогда не понимал, с чего бы. При дворе болтали об оживлении, о том, что трупы вожделеют к живым женщинам, что будто готовы разорвать на куски и сожрать каждого, кто их увидит... Ну не бред?! Ничего они не хотят, тем более всяких любовных глупостей. И есть не могут: как они, интересно, переварят пищу, мёртвые? Поднятый труп — просто машина, часовой механизм, который заводит Дар, марионетка, которую я дёргаю за ниточки. Некромант может им управлять, руководить, но сам труп — просто вещь, как лю-

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

бая вещь. Душа его уже далеко, и на душу это никак не влияет, как на голову живой девицы не влияет то, что из её остриженных волос сделали шиньон и кто-то его носит.

Нет, кусаться труп можно заставить. Зубы же у них есть, если при жизни от старости не выпали. Только мертвецу ведь всё равно, терзать кого-то или репку сажать. Мёртвым телом, как мужики говорят, хоть сарай подпирай. Но простые объяснения никого не устраивают. Всем кажется, что некромантия — дело страшное и таинственное, поэтому даже самые обычные процедуры в ней тоже таинственные и страшные. А в страшные сказки верится легче и охотнее, чем в будничную бль.

Некромантия считается злом. А по мне, любое знание, хоть тайное, хоть явное, — не зло и не добро. Оно как меч, смотря кто его держит и против чего направляет. Убить можно и молитвенником, если умеючи взяться. Но это рассуждение граничит с ересью, поэтому никто и никогда не принимал его в расчёт.

Меня окончательно окрестили Кладбищенским Грифом. И всё время норовили намекнуть, что от меня мертвечиной несёт. А может, иногда и несло... бывало, придёшь на рассвете, вымотанный, будто на тебе поле пахали, руки болят, голова чугунная... завалишься спать в башне в чём есть — и когда потом идёшь мыться и переодеваться, то действительно не розами благоухаешь. Но ведь кто чем занят! От мужиков навозом пахнет, от рыцарей — лошадьми, от егерей — зверинцем, от ловчих — псиной — и никто

МАКС ДАЛИН

им этим в глаза не тычет. Только я ведь некромант! Я оскверняю могилы! Я нарушаю благородный покой умерших! Я – святотатец!

А они – святые.

Честно говоря, я не слишком ко всему этому прислушивался. Я занимался тяжёлой, запредельно грязной работой и чувал, что когда-нибудь это очень и очень пригодится. Просто знал. И делал. И всё.

А то вот ещё вспомнил – забавно. Помню, зимой – мне восемнадцатый год шёл – кладбище замёрзло, поднимать из-под снега тяжело и холодно, так я не постоянно там ошивался. Находил себе занятия в тепле, чтоб и в сосульку не превратиться, и опыт не растерять. Так вот эти ослы из ночного патруля меня увидели – как я поднял скелет из-под половиц в нежилом флигеле и заставляю его плясать. Ух, какие были глаза у дуралеев! С яблоко. Странно, что вообще не выскочили.

Потом от меня неделю все придворные шарахались, как от чумного. А Бернард мне рассказывал, что болтают, злил меня, смешил... А я только радовался, что поднял такой старьёвый труп: сложно сделать так, чтоб он не рассыпался по дороге. Весёлое было время... Вот как раз тогда примерно Розамунда родила.

Сына. И его, натурально, назвали Людвигом. Я был против, но меня никто не спрашивал. Как водится.

Мне его показали один раз и унесли, будто я могу его перепачкать взглядом. Чистенький младенец. Без меток проклятой крови.

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

Двор ужасно радовался. Господь милостив, чудо явил: у младенца все достоинства благородных предков и прекрасной принцессы — совершенно без моих недостатков. Не зря они все молились и старались. Праздники продлились две недели, денег бухнули — как на серьёзную войну... Столичная голь перепилась на дармовщину, орала «Слава принцессе!»... Меня вычеркнули.

Я не участвовал. Да меня и не приглашали.

После родов моя прелестная супруга меня в опочивальне принимать не могла: поправляла здоровье. Ну и слава Господу. Я к ней днём зашёл. Принёс ветки рябины с замёрзшими ягодами и сосновые ветки. На удачу. Она это всё швырнула на пол и сказала, чтоб я убирался к своим гнилым друзьям на кладбище.

И я убрался к гнилым друзьям. И неожиданно обзавёлся настоящим другом.

Ночь, помню, стояла морозная: дышать больно, всё внутри смерзается. Полнолуние. Красиво так: снег блестит, как парча, деревья все в инее, памятники на могилах тоже в инее, этакое парадное убранство. Я ещё подумал: будто важных гостей ждём. Как в воду глядел.

Важный гость вышел из тени старого склепа и ко мне... не пошёл, нет — потёк, поплыл, как хотите. Так ходят кошки, змеи ползают, но люди так не передвигаются, точно... Я моментально сообразил, с кем имею

МАКС ДАЛИН

дело: Дар на него отозвался, как струна на камертон, чистым, точным, нежным звуком.

Я стоял, — сердце рёбра ломало, — задрал подбородок, руки скрестив, ждал, когда он приблизится. А он поклонился так, что снег обмёл локонами. Потом поднял голову — и я с ним встретился взглядом.

Тёмные горящие рубины. Всевидящие очи Князя Сумерек.

Я протянул руку, — ни в чём не был уверен, но блюл ритуал, — и он обозначил поцелуй. Руки у меня замёрзли, без перчаток, чтоб чужая кожа не мешала в работе, но уста у него были холодней самого мороза, холодны смертным холодом. И в меня влилась его Сила через это лобзание: если мой Дар похож на бушующий адский огонь, то его Сила показалась чем-то вроде ледяного ветра, втекла в мою душу, смешалась...

Я тогда почувствовал такое запредельное блаженство, что закричать хотелось. И такую мощь, что, кажется, резани я сейчас запястье — всё кладбище встанет, а заодно призраки, демоны, нечисть ночная, в ком больше мёртвого, чем живого... все преклонят колена. Меня в жар бросило, несмотря на мороз.

И тут он молвил — голос низкий, нежный, медовый, до самого сердца:

— Я вас приветствую, ваше высочество. Сумерки вас приветствуют. Моё имя — Оскар.

У меня в горле пересохло. Еле выговорил: «Здравствуйте, Князь».

А он продолжает:

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

— Мы давно видим вас за работой, ваше прекрасное высочество. Вы до сих пор не обращались к Господам Вечности, занимаясь другими, безусловно, более важными делами, — и я взял на себя смелость привлечь ваше просвещеннейшее внимание к вашим неумершим подданным. Покорно прошу простить меня.

Я тем временем взял себя в руки, отдышался — и говорю:

— Я рад, что вы со мной заговорили, Князь. Это у меня промашка вышла. Мне давно надо было побеседовать... с кем-нибудь из ваших... товарищей. Но я только пытаюсь учиться...

Тогда Оскар мне улыбнулся, как люди никогда не улыбались, кроме Нэда, может быть, и сказал:

— Ваше высочество, вам не в чем себя упрекнуть. Вы юны, а в городе нет ни одного некроманта, который мог бы хоть отчасти помочь вам в постижении тайн вашего Дара, к тому же, насколько нам известно, смертные весьма мешают вашим поискам сокровенного знания. Я — один из старших Князей Междугорья — покорнейше прошу вас, ваше высочество, позволить мне чуть-чуть, в меру моих скромнейших сил и ничтожных познаний, возместить вам отсутствие наставника-человека...

Как я его любил в тот момент, как был ему благодарен — нет слов описать. Я бы ему на шею бросился, не будь он таким невероятно церемонным. Милый Оскар, замечательный неумерший, просто вот так

МАКС ДАЛИН

пришёл и подарил. Мне так редко делали подарки — я бы отдарился чем угодно.

Я ему сказал:

— Дорогой Князь, я буду счастлив воспользоваться вашим предложением... может, я могу что-нибудь для вас сделать?

Оскар потряхнул тёмными кудрями, улыбнулся. Только кльки в лунном свете блеснули, крохотные кинжалы, отлитые из сахара.

— Ваше высочество, ваше общество и ваше доверие — такая неописуемо огромная честь для меня, а близость вашего Дара — такое редкое наслаждение...

Тогда я подумал: он хочет греться моим огнём. Нормальное желание — погреться. Я ему это с удовольствием устрою. Я это очень хорошо понимаю.

И в его речи нет никаких двойных подкладок. В любом трактате по некромантии подчёркивается: мёртвые не лгут. А неумершие не лгут своим сюзеренам.

Дотом много болтали, что я поил вампиров кровью детей своих врагов. Ещё одна глупая ложь, и распространить её мог только олух, который ни малейшего представления не имеет, что за существо такое — неумерший. Вечные, конечно, называли себя моими вассалами, но были-то ими чисто номинально. Я сильнейший некромант на территории государства, в котором они обитают, поэтому теоретически их государь. Но я им никогда не приказывал.

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

Трупам нужно только приказывать, демонам можно приказывать с оглядкой на казуистику Той Самой Стороны, иначе твой приказ тебе же и выйдет боком, а мелким тварям вроде упырей имеет смысл приказывать, повышая голос. Но совершенно невозможно приказывать Вечным Князьям, Господам Сумерек. Это всё равно что попытаться приказать смерти, кого ей забрать, а кого оставить.

И с тем же успехом.

Единственный настоящий король вампиров — судьба. Они слушаются только её и только по её указаниям, скрытым от смертных, выбирают жертву. И пытаются поить вампира чьей-то кровью по своему произволу — всё равно что предложить вассалу из древнего и славного рода переспать с чьей-нибудь чужой женой по твоему выбору. Выйдет совершенно одинаковая реакция: делать это они, разумеется, не станут, зато оскорбятся в лучших чувствах и уж, во всяком случае, не будут после этого хорошо к тебе относиться.

А мне хотелось, чтобы неумершие меня любили. Слабая компенсация за нелюбовь людей. Поэтому я из кожи вон лез, чтобы не сделать какой-нибудь неловкости — и не делал. Только то, что они принимают. Только то, что им нравится. И они выражали признательность очень приятным образом.

Сидишь, бывало, в обществе Оскара и пары-тройки младших вампиров из его клана в кабинете, у камина. На их ледяных ликах пляшут отсветы огня, и в очах у них — тёплые искры, и позы расслабленные,

МАКС ДАЛИН

как у пригревшихся кошек. Если прищуриться и не обращать на Дар внимания, то будто с людьми болтаешь. Хорошо.

Оскар не первый раз за своё четырёхсотлетнее бытие имел дело с некромантами. И общался с ними, и тайное знание изучал, так что опыт имел немалый. Вот разве что дружил нечасто. А я ему приглянулся — и он меня учил таким вещам, в которых книги не подмога: направлять Дар, прикрываться им, распределять... превращать остриё Дара в клинок для точного удара или в несущуюся волну, если нужно сражаться с толпой или поднять несколько трупов. Он чувствовал по-другому, но когда начинал показывать — я понимал моментально. И для меня каменная стена древнего знания, о которую я колотился башкой уже несколько лет, сначала стала прозрачной, а потом постепенно начала таять и сходить на нет.

И ещё: вампиры меня усиливали. За то, что я их грел, они несли мне Силу, которую собирали смертями, а я эту Силу впитывал и наполнял ею Дар. Дурацкий ошейник на мне почернел и оплавился, но этого никто из батюшкиных людей не замечал. Ошейник и ошейник. На месте, не избавился я от него — значит, всё в порядке. Что им, в самом деле, разглядывать меня, что ли...

В городе обо мне болтали, что я брал вампиров в постель. Ну это ж святое! Меня вообще сватали со всеми силами, с которыми я имел дело. Кроме, кажется, драконов — да и то по причине слабого воображения. Надо же объяснить, как развлекается мужчина,

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

который не шляется по непотребным девкам — тем более мужчина с моей славой. Никто же не знал, что меня при мысли о постели просто мутит после супружеской-то спальни. В общем, мои прегрешения с неумершими — это тоже неправда.

Даже не знаю, к сожалению или к счастью.

Вампиры не делят ложе с живыми, а уж с некромантами в особенности. И тем и другим это одинаково неприятно, как если бы уложить в постель ледышку и головню. Любви не выйдет — будет больно.

Правда, мои неумершие подданные, существа очень чувствительные к одиночеству, мне сочувствовали и старались меня приласкать на свой лад. Главное проявление нежности, преданности, благодарности и всего остального у вампиров — поцелуй. Они мне руки целовали. Потом, когда я уже осмелел и освоился с ними, я иногда позволял Оскару — но только Оскару, самому верному, самому близкому ко мне и самому старшему — поцеловать меня в шею, в то место, где кровь бьётся под кожей. Выражение запредельно полного доверия, величайшего, на которое только способен человек, общаясь с неумершим. Опасное удовольствие. Он чуть прикоснётся устами — и я чувствую, как Сила прошибает насквозь, будто молния.

Я для старого вампира был талантливый мальчик, воспитанник, и ему это импонировало. Мы с Оскаром действительно очень близко сошлись — насколько вообще смертный может дружить с Вечным, не теряя достоинства. Смешно сказать, но дружба вампира — штука не менее рискованная, чем его неприязнь.

МАКС ДАЛИН

Я знаю: Оскар не плёл никаких интриг... но его иногда заносило. Как-то раз, например, он предложил мне своей крови: заключить братский союз.

Соблазн меня чуть не убил. Я спать не мог, не только губы — руки себе в кровь искусал, размышляя. Хотелось невероятно. Но я отказался.

Прими я этот подарок — принял бы вместе с колоссальной мощью и зависимость от Сумерек. Как бы ни был силён некромант, а Сумерки в конце концов всё равно согнут его под себя. И всё: ты уже вне мира людей.

Я не мог отказаться от людей.

Я не питал иллюзий: люди ненавидели меня. А я... не знаю, уж наверняка не любил их — но меня к ним влекло, как магнитом. И я всё время ловил себя на мысли, как буду использовать Дар, когда стану королём. Как человек. Для людей. Для своего Междугорья, а не для Сумерек. Так и объяснялся с Оскаром.

Оскар меня понял. Огорчился, но не настаивал. Вампиры независимы и тактичны. Он даже не прекратил делать мне маленькие любезности.

Мне, например, нравилась Агнесса, одна из его младших учениц. Девы-вампиры обычно выглядят опасно, дико, как стихия, облечённая плотью, а Агнесса была тихонькая, ликом нежная и с прекрасными кудрями цвета тёмного янтаря, волнистыми, как руно, длиной по самые бёдра. Оскар знал, что она мне нравится, и брал её с собой. И мы, бывало, сидели в креслах у огня, а Агнесса устраивалась на низенькой

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

скамеечке около меня. Клала головку мне на колени, и я её волосы перебирал.

Она совсем юная была, Силу имела такую прозрачную, еле заметную, как струйка позёмки при слабом ветре... Отвлечёшься — кажется, что рядом живая девушка. А вот поднимет головку — очи вроде тёмных вишен, и лик фарфоровый, белый, прозрачный, неподвижный, прекрасный, но неживой — так вся иллюзия и пропадает. С ней мы не были близки, само собой, но чуть-чуть друг друга грели. Спустя небольшое время мой Дар сделал её одной из самых сильных дев в клане Оскара — за её нежную дружбу.

Так что вампиров я отстранённо и осторожно, но всё-таки любил. От неприкаянности. И за то, что они видели моё внутреннее естество, а не пытались судить по жалкой внешности. И через некоторое время я отлично их понимал. Они тоже зов моего Дара слышали, где бы ни были.

Я бы пригласил их к своему двору, но.

Одна из главных заповедей неумерших: Сумерки кончаются с рассветом. Вампиры в человеческую политику не лезут. Одно дело — личная симпатия, а другое — служба. Вампиры не служат. Я только надеялся, что в критический момент смогу позвать, и они придут на помощь из симпатии.

Тоже совсем неплохо.

Ведь их дружба уже приносила мне немалую пользу. И даже через некоторое время от их Силы, от их прикосновений кожа у меня на морде выровнялась, прыщи исчезли, как вымерзли. Намного красивее я